

Научные доклады

А.С.Герд

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ
ЯЗЫК**

Лингвистические аспекты

**Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1998**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научные доклады

А.С.Герд

**ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**Издательство С.-Петербургского университета
1998**

ББК 81.2Р
Г37

Г37 Герд А.С.
Церковнославянский язык: Лингвистические аспекты. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. — 16 с.
ISBN 5-288-02090-6

В докладе обсуждается традиционно дискуссионная проблема славяноведения — содержание понятия «церковнославянский язык». Предлагаются новые методы моделирования парадигматики церковнославянского языка.

ББК 81.2Р

*Рекомендовано к изданию
филологическим факультетом
Санкт-Петербургского государственного университета*

ISBN 5-288-02090-6

© А.С.Герд, 1998

© Издательство С.-Петербургского
университета, 1998

Научные доклады

Александр Сергеевич Герд

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
Лингвистические аспекты

Зав. редакцией *Г.Чердниченко*
Редактор *И.Сеина*
Техн. редактор *Л.Иванова*
Оригинал-макет *Г.Курбановой*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать с оригинала-макета 24.04.98.
Формат 60×84/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,86.
Уч.-изд. л. 2,1. Тираж 200 экз. Заказ № **160**

Редакция оперативной подготовки изданий
Издательства Санкт-Петербургского университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Центр оперативной полиграфии
Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6.

Проблема изучения церковнославянского языка, церковнославянских текстов — одна из классических в славяноведении. Десятки исследователей, и прежде всего русских ученых XIX–XX вв., внесли свой вклад в ее разрешение. Вспомним здесь имена А.Х.Востокова, С.М.Кульбакина, П.Сырку, А.И.Яцимирского, А.И.Соболевского, А.А.Шахматова, П.А.Лаврова, В.В.Виноградова, Н.А.Мещерского, Н.И.Толстого, Б.А.Успенского, а также В.Ягича, А.Лескина, Э.А.Калужняцкого.

Не только все работы по старославянскому языку, но и по истории русского, болгарского, сербского, украинского и белорусского литературных языков в той или иной мере представляют собой историю церковнославянского языка. Без фундаментального изучения старославянского (церковнославянского) языка, писал Ф.П.Филин, невозможно написать полную историю русского литературного языка [Филин, 1981].

Термин «церковнославянский язык» уже более 120 лет не сходит с титульных листов и страниц трудов по славяноведению. История употребления этого термина могла бы составить предмет самостоятельного исследования. 70–80-е годы XX в. были ознаменованы особо оживленными дискуссиями вокруг терминов «старославянский», «древнеболгарский» (старобългарский), «древнерусский», «церковнославянский».

Цель настоящего доклада наметить некоторые подходы, способствующие более полному раскрытию собственно лингвистического содержания понятия «церковнославянский язык»¹.

При этом следует помнить, что такая постановка данного вопроса — о лингвистическом типе церковнославянского языка — сегодня была бы невозможна без той громадной работы, которая была проведена поколениями славяноведов XIX–XX вв. по открытию и описанию текстов, выявлению их истории, а позднее — по истории славянских литературных языков.

Отметим круг основных вопросов, составляющих лингвистическое содержание понятия «церковнославянский язык»:

- 1) церковнославянский язык как система языка определенного типа;
- 2) состав текстов, репрезентирующих этот язык;
- 3) семантическая и функциональная типология этих текстов;
- 4) хронологическое варьирование церковнославянского языка;
- 5) ареальная типология текстов на церковнославянском языке;
- 6) степень языковой и стилистической нормативности, литературности текстов на церковнославянском языке;
- 7) место и роль церковнославянского языка в истории славянских литературных языков.

В то же время анализ различных мнений по названной проблеме свидетельствует, что, во-первых, большинство авторов заранее исходит из того, что уже известно, что такое церковнославянский язык, а, во-вторых, сами дискуссии ведутся совсем по другим вопросам, а именно: 1) как называть этот язык на фоне названий других славянских языков древности; 2) как называть язык отдельных конкретных памятников; 3) какова степень взаимовлияния древних славянских языков?

Рассмотрим первый из этих вопросов несколько с другой точки зрения — в аспекте терминоведения.

В обобщающих работах И.Кочева, Д.Ивановой-Мирчевой, Н.И.Толстого, Н.А.Мещерского, Ф.П.Филина, по-видимому, собраны почти все синонимы терминов «старославянский язык», «древнеболгарский язык» («старобългарски»), «церковнославянский язык» и др., и это избавляет нас от рассмотрения истории этого

¹ Ниже термин «текст» в соответствии с русской лингвистической традицией в ряде случаев употребляется не только в историко-текстологическом смысле — как синоним понятия «текст как совокупность близких рукописей», но и как синоним термина «отдельная рукопись».

вопроса (Георгиева 1983; Кочев 1987, 1988, 1989; Иванова-Мирчева 1969, 1977, 1978, 1982, 1987; Толстой 1976, 1988; Мещерский 1975, 1981; Филин 1981; Младеновић 1973; Форџић 1957).

Различные существующие в литературе интерпретации понятия «церковнославянский язык» можно свести к следующим.

1. Термин «церковнославянский язык» — синоним терминов «старославянский (древнеболгарский) язык», «древнецерковнославянский язык»; а поскольку именно старославянский язык описан наиболее полно и всесторонне, следовательно, мы знаем, что такое церковнославянский язык.

2. «Церковнославянский язык» — синоним терминов «старославянский язык русского извода», «старославянский язык сербского извода», «среднеболгарский язык», а поскольку основные черты изводов в целом описаны, следовательно, мы знаем, что такое церковнославянский язык. Это точка зрения почти всех учебников по старославянскому языку.

3. Церковнославянский язык — это книжнославянский литературный язык (В.В.Виноградов, Н.А.Мещерский, Н.И.Толстой).

4. Церковнославянский язык — форма единого древнеславянского языка (Н.И.Толстой, Н.А.Мещерский).

5. Церковнославянский язык — единый общий (международный) литературный язык преимущественно южных и восточных славян (В.Ягич, А.А.Шахматов, Н.С.Трубецкой, Й.Курц, Н.А.Мещерский, Н.И.Толстой).

6. Церковнославянский язык — язык конкретного этноса (И.Кочев, Ф.П.Филин).

Рассмотрим подробнее указанные точки зрения.

Термин «церковнославянский язык» — синоним термина «старославянский (древнеболгарский) язык». Применение термина «церковнославянский язык» к системе старославянского языка никаких возражений не вызывает. За этой позицией и лингвистические (мы хорошо знаем систему языка, его тексты), и жанрово-литературные доказательства, и традиция употребления самого термина в трудах русских и европейских ученых¹.

Что касается второй интерпретации понятия «церковнославянский язык», то отметим, что классификация текстов по типам изводов (редакций) имеет весьма косвенное отношение к обсуждаемой проблеме. Сложность вопроса здесь заключается в том, что, действительно, в тех или иных типах текстов уже очень рано начинают проявляться местные ареальные языковые особенности, т.е. и сами тексты как бы предрасполагают к рассмотрению их с этнокультурной, ареально-этнической точки зрения. В то же время систематизация текстов (языка) по изводам — это совсем особая классификация по отдельным изолированным локальным, диалектным особенностям. С таким же успехом можно было бы анализировать современные белорусские, польские или исковские диалекты по наличию в них балтизмов или же севернорусские — по проявлению в них прибалтийско-финского субстрата. Логически следовало бы говорить о развитии балтийских диалектов белорусского извода или о севернорусской редакции прибалтийско-финского праязыка.

Таким образом, проблема выявления и описания целостной системы церковнославянского языка подменяется здесь поиском в рукописях местных экзотических элементов, что составляет совсем особое направление в истории языка (Мжельская, Чайкина, Бондарчук, Судаков, Денисенко).

Третья, четвертая и пятая интерпретации, совершенно справедливые в своей основе, ставят во главу угла смену литературных школ и стилей и носят все же более эволюционный историко-литературный, историко-стилистический характер. Разнообразный и многоаспектный обзор отечественных и зарубежных мнений о роли древнеславянского (церковнославянского) литературного языка в истории других славянских литературных языков см. в работах Н.И.Толстого (1988). Не случайно основными понятиями, обсуждаемыми в этом аспекте являются: смена стилей, норма, смешение, влияние, архаизм, старое—новое, исконное—неисконное, свое—чужое, заимствование, славянизм, старославянизм, сербизм, русизм, болгаризм.

Все эти понятия предполагают историко-литературный, преимущественно диахронический подход. Во многих работах проблема комплексного изучения церковнославянского языка вообще сводится к поиску изолированных старославянизмов в отдельных текстах. Реконструкцию церковнославянского языка как системы эти работы все же не затрагивают.

¹ Весьма полный разбор различных толкований понятия «церковнославянский язык» см. у Г.Дьяченко. Именно потому мы не упоминаем ниже многие книги, которые носят типовое название «Древнецерковнославянский язык», но являются монографиями или учебниками старославянского (древнеболгарского) языка. Из классических работ такого рода см. работы Кульбакина, Лескина, Ван-Вейка. Краткое и объективное описание понятия «церковнославянский язык» находим в статье Л.Касаткина, помещенной в Лингвистическом энциклопедическом словаре.

Шестая интерпретация приводит нас в мир дискуссий о том, как называть язык отдельных памятников. Она довольно сильно распространена прежде всего среди болгарских и русских филологов. Вопрос этот не нов; еще в 40-е годы XIX в. В.Априлов и И.Бодянский посвятили ему специальные статьи.

Так, еще в 1919 г. классик болгарского языкознания Б.Цонев писал, что название «церковнославянский» абсолютно бессодержательно; от названия «церковнославянский» нельзя определить ни народ, ни страну, в которой на нем говорят [Б.Цонев 1984, с. 59]. Спустя десятки лет в 1981 г. в книге Ф.П.Филина читаем: «Очень важен вопрос об этнической принадлежности прастарославянского (по терминологии Н.С.Трубецкого) языка» [Филин 1981, с. 206].

По-своему, этот вопрос связан с более широкой проблемой — проблемой определения языка, на котором написана та или иная рукопись, с практической необходимостью достаточно четко сформулировать национальную, этническую принадлежность каждого памятника. В разное время этот вопрос вызывал и вызывает жаркие споры [Цонев, Селищев 1957; Копыленко 1966; Обнорский, Жуковская 1972, 1987; Ларин 1975; Иванова-Мирчева 1978; Филин 1981; Тот 1985; Живов 1987; Кочев 1989].

Сюда же относится уже не раз обсуждавшийся вопрос о языке Повести временных лет, сочинений Владимира Мономаха, Жития Феодосия Печерского и т.д.

В то же время вполне справедливый сам по себе вопрос о том, на каком языке написан тот или иной памятник, обсуждался чаще всего вне воссоздания системы языка этого памятника во всей ее полноте, на основе отдельных изолированных фактов. Позднее о трудностях лингвистического разграничения памятников, о шаткости языковых признаков писали Н.А.Менцерский (1995), Н.И.Толстой (1988). Ограничимся здесь только двумя соображениями. С одной стороны, развитие современной этнолингвистики показало, что между языком и этносом нет прямой корреляции, и сегодня в мире есть немало случаев, когда мы только по языку не можем определить этнос даже живых представителей. Стоит ли тогда включать в эти споры вопрос об отражении этнических черт писца XII или XVI в. в языке его рукописи? К сожалению, однако, именно априорное стремление видеть в памятнике, созданном на Руси, обязательно древнерусский литературный язык, а в тексте, найденном на Украине, — язык староукраинский приводило и приводит к спорам о языке подобного памятника. В то же время с позиции науки о книге тот или иной текст, памятник древней письменности — это обычно часть средневековой книги и как книга, как рукопись он может быть охарактеризован с самых разных точек зрения: время создания книги, жанр, тип письма, место создания, повод написания, заказчик, место находки памятника и местонахождение рукописи, тип бумаги, филигранны, приписки, происхождение писца, книга как памятник искусства (заставки, фронтиспис, миниатюры, иллюстрации), владелец, характер миграции книги, книга и средневековые библиотеки и, наконец, орфография, язык [Розов 1977, 1981].

Нетрудно заметить, что среди всех этих признаков язык лишь один из возможных параметров. С позиции науки об истории книги тот или иной памятник древней письменности может быть выдающимся достижением русской или сербской национальной культуры (по месту создания, заказчику, художественному уровню, иллюстрациям) и тем не менее по системе языка его нельзя будет отнести ни к древнерусскому, ни к древнесербскому языку; ярким примером являются Остромирово евангелие или Бухарестская псалтырь. И в этом отношении принятие, например, положения о том, что большинство южнославянских и восточнославянских конфессиональных (церковных) и конфессионально-повествовательных книг являются текстами на церковнославянском языке ни в какой мере не отнимает у них права быть одновременно выдающимися памятниками болгарской, сербской или русской культуры.

Все дискуссии вокруг названия различных славянских языков и памятников эпохи средневековья, вокруг роли и вклада старославянского, древнеболгарского языка в историю русского и других языков убедительно показывают, что эти проблемы имеют весьма косвенное отношение к проблеме строго синхронического описания типа языка отдельных рукописей и памятников письменности.

Наконец, в частности, прежде всего в истории русского языка проблема комплексного изучения церковнославянского языка была в свое время подменена дискуссией о том, когда и как сложился самобытный русский язык и в какой степени и насколько русский литературный язык в целом являлся (или не являлся) церковнославянским по своему типу и происхождению.

История этого вопроса настолько подробно изложена в книге Ф.П.Филина «Истоки и судьбы русского литературного языка», что избавляет нас от рассмотрения этой проблемы. Отметим ниже лишь самые основные тезисы этой дискуссии: насколько русский язык самобытен по происхождению, каких элементов в нем больше — своих или чужих, что такое свой собственный оригинальный литературный язык, какова степень выразительности древнерусского литературного языка. О том, что проблема «своего» и «чужого», а

также языка «чистого» и «нечистого» оказывается не только и не столько лингвистической, сколько социально-исторической, историко-культурной см. также у Н.И.Толстого (1988).

Таким образом, в русистике, как в зарубежной так и в отечественной, чисто лингвистический вопрос о типе языков славянского средневековья и, в частности, о характере церковнославянского языка в течение долгих десятилетий был подменен эмоциональными спорами о степени историко-культурного влияния чужого церковнославянского языка на исконно русский язык. Одну из вершин этой дискуссии представляет книга Ф.П.Филина (1981).

Развернувшись с новой силой в последние десятилетия дискуссия о двуязычии (диглоссии) в Древней Руси также имеет опосредованное отношение к обсуждаемой проблеме. Прежде чем говорить о диглоссии надо полностью представлять себе системы двух языков на разных хронологических этапах и в конкретных ареалах, но последнего условия мы применительно к церковнославянскому языку как раз и не имеем.

Таким образом, обсуждение всех этих проблем также не отвечает на вопрос о лингвистической природе церковнославянского языка. В то же время следует сказать, что сам факт наличия обширной, многолетней и содержательной дискуссии по такой общей проблеме — как называть язык тех или иных памятников письменности — свидетельствует о том, что такая проблема существует. Более того, она, по-видимому, является проблемой историко-культурной. Позволим себе привести примеры, кажется, менее известные славистам-медиевистам.

В России на территории республики Карелия сегодня распространены три основных диалекта карельского языка: собственно карельский, ливвиковский и людиковский. Многие финские ученые людиковской диалект предлагают рассматривать как особый людиковский язык. К этой же проблеме относятся вопросы о том, как называть те или иные народные говоры переходного типа, общие вопросы выделения и становления отдельных младописьменных языков из группы родственных диалектов. Яркие примеры этого рода в виде галисийского, каталонского, астурийского дает нам Испания. Славянские примеры с территорий Польши, Украины и Югославии хорошо известны всем специалистам. Возвращаясь к дискуссии о терминах, не трудно заметить, что стремление отдельных авторов употреблять те или иные термины обычно было продиктовано соображениями историко-культурными и этнопсихологическими. В конечном счете, проблема названия того или иного общенародного или национального языка и определения содержания такого понятия — это серьезная комплексная историко-культурная национальная терминологическая проблема, которая должна решаться коллегиально в специальных комиссиях, с учетом всех критериев унификации и гармонизации терминов, выдвигаемых современным терминоведением.

В частности, эта проблема не может рассматриваться вне учета истории народа, истории конкретного государства, истории литературного языка, истории литературы, традиций школ, переводов, традиции употребления отдельных терминов в разных странах.

Касаясь вновь проблемы лингвистического определения понятия «церковнославянский язык» отметим, что даже в лучших работах прошлого, церковнославянский язык характеризовался не всесторонне и систематически, а по отдельным изолированным наиболее ярким, экзотическим элементам. В ряде предшествующих публикаций мы уже затрагивали некоторые вопросы, связанные с моделированием морфологической системы церковнославянского языка, с ареальной и хронологической типологией таких текстов [Герд 1986, 1987, 1991]. В последние годы филологами С.-Петербургского университета был выполнен ряд новых фундаментальных исследований в этом направлении [Язык русской агиографии... 1990; Лексика и словообразование... 1993; Лексика и морфология... 1996].

В целом было использовано свыше 100 славянских текстов XI–XVI вв. из разных ареалов славянского континуума¹. В результате сочетания описательных и статистических методов было подтверждено выделение двух общих типов древнеславянских текстов, вне зависимости от времени и места их создания: 1) тип конфессиональных и конфессионально-повествовательных текстов; 2) тип деловых и летописно-хроникальных текстов. При этом в рамках первого типа несколько обособляется тип повествовательных текстов, а в рамках второго — тип летописно-хроникальных текстов.

Было высказано предложение о том, что первый тип — тип конфессиональных и конфессионально-повествовательных текстов — и являет собственно церковнославянский язык. Результаты проведенных нами исследований позволили выявить не только основные группы текстов, репрезентирующих единый церковнославянский язык, но и определить основные эталонные типы его морфологических парадигм.

¹ Принципы выделения частот и типов текстов, исчерпывающие сведения об источниках и использованных публикациях и сам перечень использованных памятников, ареалы, данные см.: Именное склонение... Л., 1974; Именное склонение... Л., 1977.

Эталонная модель строится на статистической основе. В любой южнославянской и восточнославянской рукописи XIV–XVI вв. могут встретиться самые разные слова и формы. Например, как в конфессиональных, так и в деловых текстах представлены одни и те же модели именного склонения и словообразования, и там и там есть слова с суффиксами -ание, -ение, -тель, -ствие, -ство, а в житиях святых встречаются местные слова. Все дело в соотношении этих элементов в рукописи. Только строго статистическое распределение фактов показывает выделение тех или иных рукописей текстов. Приведем в качестве примера типы древнеславянских текстов, выделенные нами ранее по данным именного склонения.

Нами было проведено сравнение славянских текстов и памятников XI–XVI вв. по степени их насыщенности флексиями. Использовано около 100 источников. Объем выборки составлял 12 000 словоупотреблений по каждому источнику.

Приведем список славянских текстов и памятников XI–XVI вв. по степени их насыщенности флексиями. В первой колонке списка представлена абсолютная накопленная частота всех флексий в тексте, во второй — относительная накопленная частота к выборке в 12 000 словоупотреблений, в третьей — место создания текстов, в четвертой — их датировка (век), в пятой — тип текста, а в скобках, в ряде случаев, конкретные памятники и авторы.

1	2	3	4	5
5132	0,42	Тверь	16	дел.
4998	0,41	Москва	16	дел. (грамоты)
4764	0,39	Валахия	15	дел.
4487	0,37	Хорватия	16	дел.
4336	0,36	Псков	15	лет.-хрон.
4216	0,35	Русь	14	лет.-хрон.
4160	0,34	Москва	16	лет.-хрон.
4144	0,34	Москва	15	лет.-хрон.
3981	0,33	Псков	16	лет.-хрон.
3386	0,33	Брест	16	дел.
3829	0,31	Русь	13	лет.-хрон.
3774	0,31	Юго-Зап. Русь	16	дел.
3687	0,30	Рязань	16	дел.
3614	0,30	Хорватия	15	дел.
3477	0,28	Русь	14	лет.-хрон.
3416	0,28	Москва	16	дел. (Судебник)
3413	0,28	Валахия	16	конф.-пов.
3393	0,28	Вильно	16	дел.
3326	0,27	Москва	16	конф.-пов.
3200	0,26	Сербия	15	пов.
3206	0,26	Болгария	14	канон.
3197	0,26	Босния	15	дел.
3151	0,26	Русь	13	конф.-пов. (Житие Саввы)
3190	0,26	Болгария	16	конф.-пов.
3141	0,26	Псков	16	пов.
3090	0,25	Русь	14	конф.-пов.
3059	0,25	Словения	16	конф.-пов.
3039	0,25	Болгария	15	конф.-пов. (Владислав Граматик)
2971	0,24	Москва	16	пов.
2960	0,24	Москва	15	пов.
2947	0,24	Русь	14	канон.
2947	0,24	Сербия	15	дел.
2912	0,24	Русь	16	хожд.
2907	0,24	Москва	16	пов.
2873	0,23	Острог	16	пов.
2855	0,23	Русь	11	конф. (Новгородские Минеи)
2847	0,23	Москва	15	конф.-пов. (Иосиф Волоцкий)

2830	0,23	Москва	16	дел. (Домострой)
2814	0,23	Русь	13	конф. (Симоновская пс.)
2786	0,23	Зап. Русь	16	конф.-пов. (Пересопнишкое ев.)
2721	0,22	Русь	14	конф.
2649	0,22	Чехия	16	пов.
2610	0,21	Сербия	14	конф. (Шпиштовацкая ап.)
2605	0,21	Чехия	15	конф.-пов.
2558	0,21	Русь	12	канон.
2549	0,21	Чехия	15	пов.
2513	0,20	Дубровник	15	дел.
2474	0,20	Болгария	15	конф.-пов. (Константин Костенечский)
2447	0,20	Юго-Зап. Русь	16	пов.
2428	0,20	Русь	13	конф.-пов. (Житие Нифонта)
2421	0,20	Чехия	15	дел.
2418	0,20	Русь	12	конф.-пов. (Слова Иоанна Златоуста)
2395	0,19	Русь	13	конф. (Толковый ап.)
2381	0,19	Сев. Двина	15	дел.
2362	0,19	Русь	12	конф.-пов. (Сказание о Борисе и Глебе)
2350	0,19	Болгария	13	конф. (Добрейшево ев.)
2326	0,19	Сербия	12	конф.
2324	0,19	Зап. Русь	15	лет.-хрон.
2319	0,19	Чехия	16	дел.
2315	0,19	Сербия	14	канон.
2314	0,19	Зап. Русь	16	конф. (Ев. Тяпинского)
2293	0,19	Русь	12	конф.
2268	0,18	Русь	12	конф.-пов. (Житие Феодосия Печерского)
2229	0,18	Русь	13	канон.
2226	0,18	Русь	11	конф.-пов. (Изборник 1073 г.)
2216	0,18	Москва	15	конф.-пов. (Пахомий Логофет)
2203	0,18	Русь	11	конф.-пов. (Изборник 1076 г.)
2196	0,18	Валахия	15	конф.-пов.
2186	0,18	Москва	15	конф.-пов. (Елифанний Премудрый)
2181	0,18	Болгария	14	лет.-хрон.
2159	0,17	Польша	15	конф.-пов.
2031	0,16	Москва	15	дел.
2025	0,16	Русь	11	конф. (Остромирово ев.)
1951	0,16	Новгород	15	пов.
1947	0,16	Польша	16	пов.
1904	0,15	Болгария	14	конф.-пов.
1899	0,15	Болгария	12	копф.
1846	0,15	Болгария	13	конф. (Болонская пс.)
1825	0,15	Болгария	15	конф.-пов. (Димитр Кантакузин)
1824	0,15	Болгария	12	конф. (Погодинская пс.)
1807	0,15	Сербия	14	конф. (Бухарестская пс.)
1804	0,15	Болгария	11	конф. (Синайская пс.)
1795	0,14	Болгария	14	конф.
1748	0,14	Псков	15	дел.
1738	0,14	Сербия	13	конф.
1721	0,14	Польша	16	конф.-пов.
1635	0,13	Польша	16	пов. (Петр Скарга)
1607	0,13	Болгария	11	конф. (Саввина кн.)
1600	0,13	Польша	16	дел.
1594	0,13	Хорватия	16	дел. (Полиский статус)
1583	0,13	Русь	11	кон. (Чудовская пс.)

1525	0,12	Болгария	12	конф. (Слепченский ап.)
1449	0,12	Зап. Русь	15	дел.
1439	0,11	Болгария	12	конф. (Григоровичев пар.)
1427	0,11	Болгария	11	конф. (Зографское ев.)
1405	0,11	Юго-Зап. Русь	15	дел.
1339	0,11	Болгария	11	конф. (Мариинское ев.)
1274	0,10	Русь	11	конф.-пов. (Синайский пат.)

Итак, избранный морфолого-статистический критерий позволяет выделить следующие общие и частные типы древнеславянских текстов.

1. Общий тип деловых и летописно-хроникальных текстов:

- а) тип южнославянских и чешских деловых текстов XV в.;
- б) тип русских и западнорусских деловых текстов XV в.

2. Общий тип повествовательных и конфессионально-повествовательных текстов:

- а) тип южно-восточнославянских собственно конфессиональных текстов XI–XIV вв.;
- б) тип западнославянских повествовательных и конфессионально-повествовательных текстов XV–XVI вв.

В связи с этим небезынтересно поставить вопрос о выделении эталонного, среднего по показателю относительной накопленной частоты текста для каждой зоны. Для первой зоны (деловые и летописно-хроникальные тексты) эталоном являются московские летописные тексты XV–XVI вв. (интервал 0,35–0,34), для второй зоны (повествовательные и конфессионально-повествовательные тексты) эталон типичного текста лежит в интервале 0,26–0,23, для микрозоны 1-а (южнославянские и чешские деловые тексты) эталон находится в интервале 0,19–0,18; наконец, в третьей зоне эталон типичного текста для микрозоны 2-а (южнославянские конфессиональные тексты) лежит в интервале 0,15–0,11, для микрозоны 2-б (западнославянские повествовательные и конфессионально-повествовательные тексты) в интервале 0,16–0,14, для микрозоны 1-б (русские и западнорусские деловые тексты) в интервале 0,14–0,11.

Практическое значение выделения типичного эталонного текста заключается в возможности отнесения любого нового текста к тому или иному типу в зависимости от близости к эталону. Так, например, если перед нами некий текст, близкий к интервалу 0,15–0,11, то он должен быть отнесен к типу южно- и восточнославянских конфессиональных текстов, а текст, близкий к интервалу 0,17–0,13 — к типу западнославянских повествовательных и конфессионально-повествовательных произведений.

В ряде наших предшествующих публикаций указывалось, что во многих отношениях в качестве эталонной модели для церковнославянского языка XI–XIV вв. мог бы быть принят старославянский язык, а для текстов XIV–XVI вв. — язык конфессионально-повествовательных текстов, созданных в Тырново и выходцами из Тырновской школы.

Примеры эталонной парадигмы именного склонения существительных в единственном числе отдельно для XI–XIV вв. и XV–XVI вв. см. [Герд 1987б].

Эталонная парадигма церковнославянского языка для суффиксов имен существительных включает суффиксы -ани-е, -анинь, -арь, -атай, -ьб-а, -ежь, -ець, -знь, -и-е, -изн-а, -икъ (в названиях лиц), -инь, -иц-а, -ость, -от-а, -ьств-о, -ьстви-е, -тв-а, -тель, -ти-е (-ье), -чий, -ын-я (Лексика и словообразование... 1993).

Слова с этими суффиксами должны составлять около 90% всех производных имен существительных в каждой рукописи, при этом свыше 50% от всех суффиксальных имен слова с суффиксами -ани-е (-сни-е, -ни-е), -ик (-ник), -ство, -ость, -ти-е (-ье), -иц-а, -ец и -тель [Герд 1991; Лексика и словообразование... 1993].

Вопрос об эталонной модели церковнославянского языка в лексике требует особого рассмотрения. В последние годы в литературе не раз отмечалось, что и древнеславянский и церковнославянский язык в разные эпохи своей эволюции имели достаточно широкий диапазон локального варьирования [Толстой 1988, Герд 1986а, 1987а]. В то же время очевидно, что есть определенный порог, за которым локальный вариант (подтип) церковнославянского языка превращается уже в другой язык (староукраинский, старобеларусский, древнесербский). Таким порогом является изменение статистических параметров эталонной модели. Например, модель именного словообразования, в которой слова с суффиксами -ух-а, -ухн-а, -уш-а, -ушк-а, -ош-а, -ан, -их, -их-а, -ск-о, -уг-а будут статистически преобладать над суффиксами церковнославянской модели XV–XVI вв., вряд ли может быть признана моделью церковнославянского языка. Напротив, например, как раз сутобо местная исковская Повесть о Батории представляет модель церковнославянского языка в наивысшей форме его выражения.

И здесь нельзя не заметить некоторых структурных параллелей между характером распределения древних рукописей и отношения между говорами и диалектами с точки зрения диалектологии, ареальной лингвистики. Так, понятие «рукопись» может быть сопоставлено с понятием «говор» (говор индивида), группа, ряд близких рукописей с понятием — «группа говоров», в ряде случаев такая группа близких рукописей образует свой диалект, но лучше всего коррелируют с понятием «диалект» понятия «локальный культурный центр», «литературная школа».

В тех случаях, когда известно или установлено авторство рукописи (ряда рукописей) можно говорить об идиолекте. Например, любая отдельная анонимная рукопись представляет некий говор; ряд близких по языку, орфографии анонимных рукописей составляют группу говоров, но если удалось установить автора (писца) этих рукописей, то мы можем рассуждать о его идиолекте, представленном в тех или иных рукописях. Таков, например, идиолект Евфимия Тырновского, отразившийся в его житиях и литургических службах. Различные близкие между собой по языку рукописи, созданные Евфимием Тырновским и его учениками, репрезентируют диалект Тырновской литературной школы.

Подобно наречиям и крупным диалектам в диалектологии и лингвистической географии типы славянских рукописей по особенностям их письма, языка образуют обширные зоны рукописей более близких и более далеких между собой. Между группами рукописей также, как между диалектами родственных языков, нет резких границ, один тип плавно переходит в другой. В то же время между разными классами рукописей есть переходные зоны, группы. Таково, например, место летописей и повествовательных текстов между памятниками конфессиональными и деловыми.

В то же время церковнославянский язык — явление не столько собственно лингвогеографическое, сколько ареально-типологическое. Например, для него не характерны плавные собственно географические переходы от диалекта к диалекту; географический, ареальный признак не является здесь доминирующим. Если в диалектологии детальная география народного слова — это чаще всего ключ и к его происхождению, то даже в том редком случае, если мы установили по рукописи ареал книжного слова средневековья, то этот ареал показывает лишь связь рукописей, литературных школ, авторов. Полная история книжного слова в рукописи без обращения к истории текста, литературной школы не восстанавливается. Разными являются также отношения отправитель текстов—получатель (интерпретатор) текста, отношения непосредственно, хронологически и ситуативно одновременные в обычной диалектной ситуации и опосредованные (чаще разновременные) — в книжно-письменной.

В то же время именно учет методов классической диалектологии и лингвистической географии позволяет несколько по-новому посмотреть на саму процедуру перехода к собственно лингвистическому моделированию церковнославянского языка.

По-видимому, к каждой отдельной древней рукописи, книге, подлежащей лингвистическому описанию, целесообразно подходить как к говору *terra incognita*, лингвистический тип которого мы пока не знаем и который нам еще только предстоит выяснить и определить. Методика эта не нова, она применялась американскими этнолингвистами и антропологами при изучении языков американских индейцев, в славистике она использовалась при описании переходных говоров.

Объективное беспристрастное синхроническое описание языка памятников *in status quo* исключает такие вопросы, как тип народных диалектов, лежащих в основу этого языка, пути его формирования, степень его литературности, вопрос о том, какой народ говорил на языке, отраженном в этой рукописи, о том, к какому тексту восходит данная рукопись. Перед лингвистом одна задача — строгое описание плана выражения и плана содержания конкретной рукописи. Лингвистический подход к определению языка в идеале требует целостного систематического недифференциального таксономического описания языковых фактов, определения статистической модели каждого текста и только после построения этих моделей можно ставить вопрос об отнесении текста этой рукописи к той или иной группе. На первом этапе мы выделяем рукопись, репрезентирующую некий язык α , β или γ . В собственно лингвистическом плане это может быть текст, который характеризуется, например, определенным типом склонения, спряжения, словообразования, синтаксиса, лексики. И только выяснив лингвистический тип этой рукописи, мы можем через сравнение с эталонной моделью языка отнести ее к той или иной группе текстов, уже выявленных ранее¹. На уровне системы именного склонения, словообразования и глагольного спряжения такие модели были определены для ряда

¹ В основе своей такая методика диалектологического ареального подхода к древним текстам обсуждалась нами впервые еще в 60–70-е годы с Н.И.Толстым в ходе создания названных выше коллективных работ ленинградских филологов.

русских, болгарских, сербских библейских и агиографических повествовательных памятников [Именное склонение... 1974, 1977; Аверина, Герд 1983, 1987; Герд 19866, 19876; Капорулина 1983, Колесов 1987; Язык русской агиографии... 1990; Лексика и словообразование... 1993; Лексика и морфология... 1996; Kempgen 1995]. При этом, как выяснилось, нет жесткой зависимости между языком и типом рукописи по ареалу, месту создания, хронологии и даже по семантике, содержанию или жанру, хотя последняя связь, по-видимому, основная. Насколько опасны здесь априорные решения с опорой только на жанр и содержание показывает пример такого выдающегося русского памятника, как Домострой, который по многим языковым показателям ближе всего не к деловым, а к собственно-повествовательным текстам.

Итак, вернемся к понятию «церковнославянский язык». Перефразируя известное выражение Н.С.Трубецкого об индоевропейском языке [Трубецкой 1987] можно сказать, что сегодня уже очевидно, что «церковнославянский язык» — понятие чисто лингвистическое. Церковнославянский язык — это язык славянских текстов, в которых статистически доминирует определенная языковая эталонная модель. Признаки такой модели задаются в специальном описании.

В истории развития единого церковнославянского языка можно выделить два основных этапа.

Первый этап функционирования церковнославянского языка представляет старославянский (древнеболгарский, староболгарский), древнецерковнославянский язык.

Второй этап начинается с конца XIV в. Так, в одном из серьезных учебников старославянского языка читаем: «В начальный период своего существования старославянский язык был языком церковным. Отсюда иное название этого языка — древнецерковнославянский» [Иванова 1977, с. 5]. В истории развития старославянского языка прослеживаются следующие периоды: 1) древнейший (вторая половина IX в.; 2) позднейший X–XI вв.; 3) период церковнославянского языка, от которого дошли до нас многочисленные памятники разных изводов [Иванова 1977, с. 10].

Как прямое и непосредственное продолжение старославянского языка рассматривали церковнославянский язык А.Х.Востоков, Ф.И.Буслаев, Н.И.Толстой. Вопрос о том, когда в разных жанрах, рукописях, текстах хронологически кончается церковнославянский язык, должен решаться индивидуально по ареалам, литературным школам, типам текстов. Как известно, например, в Сербии церковнославянский язык продолжал функционировать до начала XIX в. [Младеновић 1973, 1986, 1989], а болгарское Житие Петки Тырновской по списку 1788 г. написано на чистом церковнославянском языке [Ангелов 1987]. Сюда же относится и вопрос о лингвистическом типе языка болгарских дамаскинов XVII–XVIII вв., о современном языке литургической службы и церковных песнопений в православной церкви на севере и на юге.

Между языком конфессиональных текстов XI–XIV вв. и языком конфессиональных, конфессионально-повествовательных текстов XV–XVI вв., созданных в Болгарии, Сербии, Валахии и Московской Руси, разница не столько качественная по фактическому реестру форм и слов, сколько количественная (усиление или ослабление отдельных моделей). В целом мы можем говорить, по-видимому, о едином церковнославянском языке XI–XVII вв. В разное время сфера функционирования и роль церковнославянского языка в разных ареалах то сужалась, то расширялась. В XIV–XVI вв. церковнославянский язык продолжает удерживать свои позиции в Болгарии, Сербии, Валахии, Москве, Пскове, Новгороде, но на территории Западной Руси, в Киеве, Остроге, Вильно, Львове он испытывает сильное давление со стороны староукраинского и старобелорусского языков, обиходного языка Западной Руси. Зная пути и параметры определения той или иной рукописи как текста, написанного на церковнославянском языке, мы более уверенно сможем выделить тексты собственно древнерусские, староукраинские, старобелорусские и т.д. Таким образом, понятие «церковнославянский язык» отнюдь не исключает таких понятий, как «древнерусский», «староукраинский» или «старобелорусский язык», напротив, оно позволяет их уточнить и углубить.

Локальные варианты, степень нормированности и роль церковнославянского языка в истории других славянских языков подробно рассмотрены Н.И.Толстым [Толстой 1988].

Для выделения и описания церковнославянского языка извне большое значение имеет и всестороннее воссоздание системы языка деловых памятников. Противопоставленность языка деловых текстов памятникам церковнославянским ощущалась уже давно (П.Сырку, А.А.Шахматов, П.Лавров, С.П.Обнорский, В.В.Виноградов). Наиболее ярко она проявилась в трудах Б.А.Ларина, в его Проекте древнерусского словаря [Ларин 1936]. Б.А.Ларин ясно видел те тексты, которые не относятся к церковнославянскому языку. На фоне идей Б.А.Ларина церковнославянский язык еще более ярко выделяется как язык необходимый, неразговорный. Таким образом, церковнославянский язык в рамках древнеславянского языка во многом предстает как явление лингвостатистическое, жанрово-стилистическое. Одной из немногих последних работ, постулирующих собственно лингвистический подход к церковнославянскому языку, является статья Ремневой [Ремнева 1995].

Представленная выше характеристика церковнославянского языка исходит из собственно языковых критериев и не препятствует рассмотрению с других позиций церковнославянского языка как разновидности древнеславянского языка или как его функционального стиля (подъязыка).

Сказанное выше отнюдь не исключает в перспективе также рассмотрения понятия «церковнославянский язык» в широком историко-культурном аспекте с учетом такого понятия, как церковнославянская литература¹ [Šafarik, Ягич 1883, Mirko 1908, Тырновска книжовна школа 1974–1985].

Например, глубокий обстоятельный обзор различных авторов, памятников и школ с литературоведческих позиций находим в трудах Б. Ангелова, Ѓ. Трифуновича. Может возникнуть вопрос: почему же именно термин «церковнославянский язык» следует употреблять применительно к данному языку? Во-первых, потому что мы уже все-таки в определенной степени знаем этот язык как особый тип (подъязык). Во-вторых, основной массив рукописей, текстов, представляющих этот язык, — это церковная, богослужбная и агиографическая литература. В-третьих, за этим термином давняя и устойчивая традиция его употребления.

В целом и путеводной звездой, и ориентиром нам во многом могут служить успехи и достижения славянской диалектологии. Не было бы сегодня ни атласов славянских языков и диалектов, ни споров вокруг истории отдельных диалектов, если бы за долгие десятилетия усилиями полевых диалектологов не были бы монографически всесторонне описаны десятки и сотни отдельных славянских говоров. Подобно тому, как для любого диалектолога сегодня самое ценное — это максимально полные региональные монографии и словари диалекта, говора, точно так же самыми важными для историка церковнославянского языка в перспективе окажутся системные описания языка конкретных рукописей. Так путем диалектологического описания их языка от рукописи к рукописи, от текста к тексту мы постепенно придем к воссозданию целостной системы церковнославянского языка. И если мы к тому времени будем так же хорошо знать язык деловых документов, мы сможем более аргументированно, уверенно обсуждать все вопросы истории языка, взаимовлияний и диглоссии.

¹ При этом строго научный современный лингвистический анализ не следует смешивать с интерпретацией древних текстов с позиции богословия и теологии.

Л и т е р а т у р а ¹

- Аверина С.А., Герд А.С. Статистический комментарий к древнеславянским памятникам XI–XVI вв. // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 2. Л., 1983.
- Аверина С.А., Герд А.С., Демидов Д.Г., Попов М.Б. Статистика суффиксов имен существительных в памятниках древнеславянской письменности // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л., 1987.
- Алексеев А.А. Предисловие // Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980.
- Алексеев А.А. Почему в Древней Руси не было диглоссии? // Литературный язык Древней Руси. Л., 1986.
- Ангелов Б. Старобългарско книжовно наследство. София, 1987.
- Априлов В. «Болгарские книжники» или Какому славянскому племени собственно принадлежит кирилловская азбука // Одесский вестник. 1841. № 38.
- Бодянский И. О древнейшем свидетельстве, что церковно-книжный язык есть язык славяно-булгарский // ЖМНП. 1843. Т. XXXVIII, июнь.
- Бондарчук Н.С. Проблемы исторической региональной лексикологии. Калинин, 1978.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938.
- Виноградов В.В. Избранные труды. Т. IV: История русского литературного языка. М., 1978².
- Востоков А.Х. Словарь церковнославянского языка. СПб., 1858–1861.
- Востоков А.Х. Грамматика церковнославянского языка. СПб., 1863.
- Георгиева Е. Някои терминологични уточнявания във връзка с историята на съвременния (новобългарския) книжовен език // Български език. 1983. № 2.
- Герд А.С. Ареально-типологическая модель славянского склонения эпохи средневековья и вопрос о древнерусском литературном языке // Литературный язык Древней Руси. Л., 1981.
- Герд А.С. К изучению языка локальных центров древнеславянской письменности (Псков и Тырново XIV–XVI вв.) // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986а.
- Герд А.С. К морфологической типологии древнеславянских текстов // Советское славяноведение. 1986б. № 2.
- Герд А.С. О синхроническом описании языка древнеславянских центров письменности // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1986в. № 1.
- Герд А.С. Зональная группировка славянских текстов XV–XVI вв. // Советское славяноведение. 1987а. № 3.
- Герд А.С. Эталонные типы морфологических парадигм древнеславянских текстов // Tartu riikliku ülikooli toimetised. T.774. Tartu, 1987б.
- Герд А.С. К реконструкции эталонной модели церковнославянского языка // Советское славяноведение. 1991. № 3.
- Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.
- Даскалова А. За български книжовен език през XVI в. (Житие на Никола Софийски) // Български език. 1993/1994. № 4.
- Денисенко Ю.Ф. Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья: Дис. в форме науч. докл. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. СПб., 1994.
- Дограмджиева Е. Обществени функции на старобългарския книжовен език // Български език. 1983. № 4.
- Дончева-Панайотова Н. Кириан — старобългарски и староруски книжовник. София, 1981.
- Дуриданов И. Основните проблеми на историята на българския език // Българския език. 1981. № 5.
- Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- Живов В.М. Проблемы формирования русской редакции церковно-славянского языка на начальном этапе // ВЯ. 1987. № 1.

¹ Предлагаемый список литературы включает не только цитируемые выше работы, но также и некоторые основополагающие исследования, затрагивающие проблему церковнославянского языка. Среди разных учебников по истории литературного языка отмечаются только те, в которых затрагивается вопрос о соотношении старославянского и церковнославянского языков. В библиографию не включены исследования по языку, текстологии и палеографии отдельных текстов, а также труды по изданию славянских памятников письменности.

² Многие из классических филологических работ А.А.Шахматова, В.В.Виноградова, Н.С.Трубецкого, Б.А.Ларина, Н.И.Толстого, Н.А.Мещерского впервые были опубликованы ранее в разных журналах и изданиях. Мы приводим их по более поздним; последним авторитетным сводным публикациям, там же см. и сноски на первоопубликование.

- Жуковская Л.П.* О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода // ВЯ. 1972. № 5.
- Жуковская Л.П.* Еще раз о старославянском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 1.
- Иванова Т.А.* Старославянский язык. Л., 1977.
- Иванова-Мирчева Д.* Старобългарски, старославянски и среднобългарска редакция на старославянски // Константин-Кирил Философ. София, 1969.
- Иванова-Мирчева Д.* Задачи на изучаването на църковнославянския език // Български език. 1977. № 6.
- Иванова-Мирчева Д.* Към периодизацията на литературния български език от донационалната епоха (IX–X до XVIII в.) // Славянска филология. Т. 15. София, 1978.
- Иванова-Мирчева Д.* Българският книжовен език от XIII–XIV вв.: — трети класически език в Средновековна Европа // Български език. 1982. № 5.
- Иванова-Мирчева Д.* Отново за терминологията и за още нещо // Български език. 1987. № 3.
- Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Лингвостатистический анализ / Под ред. Н.А.Мещерского. Л., 1974.
- Именное склонение в славянских языках XV–XVI вв.: Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности / Под ред. А.С.Герда и Н.А.Мещерского. Л., 1977.
- Капорулина Л.В.* Статистика падежных форм имени существительного в древнерусском языке // Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1983.
- Касаткин Л.Л.* Церковнославянский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Колесов В.В.* Критические заметки о древнерусской диалексии // Литературный язык Древней Руси. Л., 1986.
- Колесов В.В.* Статистическое распределение глагольных форм в древнерусских источниках XI–XIV вв. // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л., 1987.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л., 1983.
- Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1981.
- Копыленко М.М.* Как следует называть язык древнейших письменных памятников // Советское славяноведение. 1966. № 1.
- Кочев И.* Старобългарските диалектни явления и понятието солунски говор // Български език. 1987. № 3.
- Кочев И.* Световни медиевисти за старобългарския език // Български език. 1988. № 1.
- Кочев И.* Още веднџ по впроста за българска етническа принадлежност на кирило-методијевиј език в световната медиевистика // Български език. 1989. № 1. С. 3–13.
- Кравецки А.Г.* Дискусии о церковнославянском языке (1917–1943) // Славяноведение. 1993. № 5.
- Кречмер А.* Актуальные вопросы русского литературного языка // ВЯ. 1995. № 6.
- Кульбакин С.М.* Древнецерковнославянский язык. Харьков, 1911.
- Куриц Й.* Роль церковнославянского языка как международного культурного (литературного) языка славян // IV Международный съезд славистов. Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
- Лазич Р.* Типови писаног језика код србе у преддуковом периоду // Летопис Матице српске. [Нови Сад.] 1987. Т. 440. № 2.
- Ларин Б.А.* Проект древнерусского словаря. М.; Л., 1936.
- Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975.
- Ларин Б.А.* Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию Б.А.Ларина. СПб., 1993.
- Лексика и словообразование в русской агиографической литературе XVI в. / Под ред. А.С.Герда. Л., 1993.
- Лексика и морфология в русской агиографической литературе XVI в. / Под ред. А.С.Герда. Л., 1996.
- Лескин А.* Старобългарска граматика. София, 1981.
- Лихачев Д.С.* Текстология. Л., 1962.
- Мареш В.Ф.* Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве // ВЯ. 1961. № 2.
- Мещерский Н.А.* Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1975. № 8.
- Мещерский Н.А.* Избранные статьи. СПб., 1995.
- Мещерский Н.А.* История русского литературного языка. Л., 1981.
- Мжельская О.С.* Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1956.
- Младеновић А.* Типови књ ижевног јазика код срба у другој половини XIX в. // Реферати на VI Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973.

- Младеновиќ А. Српска редакција старословенског језика // 36. за филологију и лингвистику. [Нови Сад.] 1986. Т. 29/1.
- Младеновиќ А. Словеносрпски језик. Нови Сад, 1989.
- Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка. М.; Л., 1946.
- Павиќ М. Српски књижевни језик пред појава Вука Караџића // Путеви. Ванја Лука, 1988.
- Павлова О. Староруските писмени паметници за историјата на българскиот јазик // Български јазик. 1980. № 4.
- Плетнева А.А., Кравецкиј А.Г. Церковнославјански јазик. М., 1996.
- Попруженко М.Г. Из истории литературной деятельности в Сербии XV в. Одесса, 1834.
- Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М., 1995.
- Ремнева М.Л. Еще раз о типах (видах, стилях) древнерусского литературного языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. 1995. № 4.
- Розов Н.Н. Книга в России в XV в. Л., 1981.
- Розов Н.Н. Книга Древней Руси XI–XIV вв. М., 1977.
- Русев П., Давидов А. Григорий Цамблак в Румџниа. София, 1966.
- Сване Г. Новосъздадено и унаследено в језика на Григория Цамблак // Български јазик. 1981. № 2.
- Селищев А.М. Старославјански јазик. Ч. I. М., 1951; Ч. II. 1952.
- Селищев А.М. О јазике Русской правды в связи с вопросами о древнейшем типе русского литературного языка // ВЯ. 1957. № 4.
- Соболевскиј А.И. Южнославјанско влијание на рускују писменност в XIV–XV вв. СПб., 1894.
- Соболевскиј А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903.
- Соболевскиј А.И. Древнецерковнославјанска литература и ее значение. Харьков, 1908.
- Соболевскиј А.И. Ломоносов в истории русского языка. СПб., 1911.
- Соболевскиј А.И. История русского литературного языка. Л., 1980.
- Судаков Г.В. Лексикологија старорусског јазика. М., 1983.
- Толстой Н.И. Древние представления о диалектной основе церковнославјанског јазика // Кузнецовские чтения. 1973. М., 1973.
- Толстой Н.И. Старинные представления о народно-јазиковој бази древнеславјанског литературного јазика (XVI–XVII вв.) // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. М., 1976.
- Толстой Н.И. История и структура славјанских литературных јазиков. М., 1988 (здесь же см. обширную литературу).
- Толстой Н.И. К историко-культурной характеристике «славјаносербског» литературного јазика // Толстой Н.И. История и структура славјанских литературных јазиков. М., 1988.
- Толстой Н.И. Slavia Orthodoxa u Slavia Latina: Общее и различное в литературно-јазиковој ситуацији: (Опыт предварительной оценки) // Ricerche Slavistiche. [Roma.] 1995. Т. XLII.
- Тот И. Русская редакција древнеболгарског јазика в конце XI — начале XII вв. София, 1985.
- Трифуновиќ Ђ. Књижевност. Београд, 1961.
- Трубецкој Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкој Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Търновска книжовна школа. Т. 1–4. София, 1974–1985 (здесь же см. литературу по проблеме).
- Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного јазика (XI–XIX вв.). М., 1994.
- Федер В. Что такое русская редакција церковнославјанског текста // Studies in Slavic and General Linguistics. 1988.
- Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного јазика. М., 1981 (в книге обширная литература вопроса).
- Харлампиев И. Езикът и јазикова реформа на Евтимии Търновски. София, 1990.
- Филкова П.Д. Старобългарски традиции в история на руски литературен јазик. София, 1991.
- Филкова П.Д. Церковнославјански јазик в России (XI–XVIII вв.) // Славјанска филологија. Т. 21. София, 1993.
- Цейтлин Р.М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1981.
- Цонев Б. Кои новобългарски говори стоят наи близко да старобългарски в лексикално отношение // Сп. на БАН. 1915. Т. XI.
- Цонев Б. История на българскиот јазик. Т. I. София, 1984.
- Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

- Шатковски Я.* По вѣпрса за непосредственото влиание на старобългарския език върху старополския // Български език. 1981. № 5.
- Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
- Шахматов А.А.* Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке // Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.
- Ягич В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1836.
- Ягич В.* История литературы у южных славян. СПб., 1883.
- Ягич В.* Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885.
- Язык русской агнографии XVI в.* / Под ред. А.С.Герда. Л., 1990.
- Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак. СПб., 1904.
- Ђорђевић П.* Терминологишка питања из палеославенистике // Годишњих Филозофског ф-та. [Нови Сад.] 1957. Вып. 2.
- Kempen S.* Russische Sprachstatistik: Sistematischer Überblick und Bibliographie. München, 1995 (здесь же см. анализ различных работ петербургских филологов).
- Marti R.* Handschrift — Text — Textgruppe — Literatur. Wiesbaden, 1989.
- Murko M.* Geschichte der älteren südslavischen Literaturen. Leipzig, 1908.
- Novaković St.* Istorija srpske knjizevnosti. Beograd, 1871.
- Šafarik P.* Geschichte der südslavischen Literatur. Praga, 1864–1865.